

УДК 81'272

РУССКИЙ – РОССИЙСКИЙ? ВОПРОС ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

С.П. Васильева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Постоянная актуальность этнонимической проблематики объясняется рядом причин – как лингвистического, так и иного характера. Это обусловлено функциями именованных и самоименований этносоциумов и их представителей. Поэтому этнонимы играют не только важнейшую прагматическую роль при идентификации и автоидентификации индивидуумов и коллективов, но также способны активно применяться в социальных, культурных, политических процессах. Вполне естественно, что этнонимы и подобные им лексико-фразеологические единицы и характер их употребления привлекают внимание почти в равной степени и специалистов, и широкой аудитории.

Целью исследования является анализ современного характера употребления этнонима *русский*, этатонима *россиянин*, прилагательного *российский* в текстах политической тематики и определения наиболее вероятной направленности их использования.

Материалами исследования являются тексты политических выступлений в СМИ, а примененные при их анализе контекстный и дискурсивный методы прочно зарекомендовали себя в качестве научно-эффективных.

Результаты исследования. Не являются исключением и слова *русский*, *российский*, *россиянин*, которые, судя по многим примерам, находятся в состоянии конкуренции друг с другом. Причем такие взаимоотношения между данными лексемами не

случайны, но на протяжении последних трех десятилетий последовательно конструируются в дискурсе отечественных средств массовой информации. Уже можно говорить о том, что этноним *русский* оказывается во многих случаях негативно маркированным (вследствие предварительно сформированной инвективной коннотации прилагательного *русский*) и замещается этатонимом *россиянин*, а в качестве семантически якобы равноценного взамен прилагательного *русский* внедряется *российский*.

В качестве источников фактического материала привлекаются тексты политических выступлений, в силу высокого властного статуса их адресантов должны обладать значительным публичным резонансом и, соответственно, вероятным влиянием на речевые предпочтения множества адресатов.

Выводы. Информационно-пропагандистские операции, производимые путем замены субстантивированного прилагательного *русский* на искусственно реанимированное существительное *россиянин*, с одной стороны, и вытеснения прилагательного *русский* прилагательным *российский* – с другой, имеют общий вектор. Это радикальная минимализация национального самосознания большинства коренных носителей русского языка.

Авторский вклад заключается в описании проблемы, сборе и анализе языкового материала.

Ключевые слова: этноним, автоэтноним, этатоним, мифоген, русский, российский, россиянин, советский народ, многонациональный, однонациональный, политические тексты.

Постановка проблемы. Непреходящая актуальность этнонимической проблематики объясняется рядом причин, и не только сугубо лингвистического характера. Это предопределяется функциями именованных и особенно самоименований этносоциумов и их представителей. Каждая из таких номинаций – вербальная граница, четко дифференцирующая макрогруппы человечества и входящих в них ин-

дивидуумов на «своих» и «чужих». Автоэтноним выступает также как максимально концентрированное самописание народа – словесный маркер, способствующий эффективности разного рода (взаимо)отношений между людьми и их обществами. Автоэтноним фигурирует и в качестве одного из наиболее фундаментальных компонентов языковой картины мира, предназначенного для самоидентификации и идентифика-

ции любого человека и поэтому является весьма значимой составляющей как при установлении его личностного статуса, так и при формировании его представлений о собственном месте в различных процессах.

Вышесказанное непосредственно относится к непрекращающимся дискуссиям вокруг происхождения, функционирования и особенно современного статуса слов *русский*, *российский*, *россиянин*. Такие обсуждения касаются ряда аспектов этнологии, лингвистики, законотворчества, социального устройства, национальной культуры, языковой ситуации, государственной политики и других.

Обзор научной литературы. Социологи, историки и правоведы приводят убедительные доводы в пользу исторического подхода к употреблению этнонима *русский* и этатонима *российский*: «Современная Россия является многонациональным государством, в котором более восьмидесяти процентов ее населения, проживающего во всех субъектах Федерации, составляют русские. Становление русской нации неразрывно связано с процессом формирования русской национальной культуры, национально-го самосознания, в основе которого лежит ценностная система понимания ее роли в историческом процессе и перспективах развития» [Романников, Черноскутов, 2019, с. 357].

А.В. Теленков утверждает, что важнейшим фактором, объясняющим специфику вербализации этнонима *русский*, является фактор исторической памяти. Именованное *русский* следует считать более древним, исконным словом [Теленков, 2008, с. 326].

Историк русского языка Е.И. Зиновьева пишет: «Лексема *русский* очень частотна в обиходном языке Московской Руси. Слово функционирует главным образом как прилагательное (ср.: *русская земля*, *русская вера*, *русские города* и многие другие атрибутивные сочетания). В этот период употребляются также производные от прилагательного наречия *русски* и *по-русски*. В качестве этнонима используются сочетания *русский человек* и *русские люди*, широко представленные в картотеке СОЛЯ (Словарь оби-

ходного разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв.). В форме единственного числа словосочетание встречается реже, например: „А Данилка въ распрось сказался: бываль *русский человекъ*, а былъ въ полону у татаръ, а взять осьми лѣтъ” (Новомбергский 1911: 76, 1643 г.)» [Зиновьева, 2017, с. 98].

Наименование *россияне* и как производные от него слова *российский*, *российская* – явления более поздние, крайне редко встречающиеся в древнерусских письменных памятниках (название *россияне* не встречается вовсе) [Теленков, 2008, с. 327].

В наше время мы часто употребляем словосочетания «русские люди», «русский характер», «русский менталитет», «русская кухня». Но так же часто в официальных документах и выступлениях официальных лиц звучат слова «россияне», «российское общество», «российская действительность».

«Современные дискуссии о возможных путях развития России, состояние национальных отношений в стране делают злободневным анализ истории и современного состояния соотношения имени русского и названия российского; выяснения, какую роль то и другое играет в сознании граждан страны, в первую очередь населения, относящего себя к титульной нации. Наконец, весьма актуальна тема создания единого и удобного дома для всех народов России как стратегическая цель ее развития. Долгое время Россия шла под русским флагом, затем под советским, сейчас – под российским. Но что представляет собой этот российский флаг (идея, проект) и как он согласуется и должен согласовываться с русским этническим большинством страны? И удастся ли избежать столкновения *русскости* и *российскости*?» [Теленков, 2008, с. 326].

Споры об этнониме *русский* идут во всех слоях общества, на страницах научных журналов, в публицистике, в Интернете. Они не сводятся к употреблению терминов, речь идет о национальной идентичности титульной нации России.

«На сегодняшний день существуют различные точки зрения и подходы к сопоставлению

российскости и *русскости*. По мнению ряда исследователей, наблюдается почти непреодолимый конфликт между ними (А. Миллер, О. Малинова). Другие считают, что *российскость* и *русскость* не только должны быть примирены, но и это обязательно должно случиться: главный путь здесь – строительство наднационального государства, где „россиянин” означает гражданина России и ничего более того (Ю.П. Шабаетов, А.В. Демина, С.Н. Абашин, А. Зализняк). За *российскую* нацию также, как известно, ратует известный этнолог В.А. Тишков. В то же время многие серьезные исследователи отрицают *российскую* нацию как реальность, поэтому у них *российскость* обретает политические, идеологические или схоластические окраски» [Там же].

В пользу употребления этнонима исследователи приводят тот факт, что Всероссийская перепись 2002 г. показала, что как русские, так и другие народы России не собираются отказываться от своей национальности в пользу *российской* идентичности.

Целью исследования является анализ современного характера употребления этнонима *русский*, этнонима *россиянин*, прилагательного *российский* в текстах политической тематики и определения наиболее вероятной направленности их использования.

Материалами исследования являются тексты политических выступлений в СМИ, а примененные при их анализе контекстный и дискурсивный **методы** прочно зарекомендовали себя в качестве научно-эффективных.

Результаты исследования. Нельзя не заметить, что время от времени обострение внимания к этнонимическим проблемам, зачастую искусственно гипертрофируемым, индуцируется за счет публичного комментирования их откровенными дилетантами, хотя высококвалифицированные специалисты неоднократно уже четко и аргументированно разъясняли историю, семантику и прагматику этих слов.

Подобные вопросы постоянно интересуют и неравнодушную часть так называемых «рядовых носителей языка» [Голев, 2008, с. 6, 16], к числу которых принадлежит их абсолютное

большинство, обычно вынужденное, однако, принимать (как данность) формулировки, предлагаемые высшими государственными руководителями и массированно тиражируемые через все возможные каналы. Впрочем, самая интенсивная пропаганда не исключает анализа ее лозунгов и диктуемых ими векторов эволюций общества.

В вышеуказанных аспектах чрезвычайно показательны активные риторические усилия последних лет, очевидно направленные в совокупности на смену именования государствообразующего этноса РФ.

Приведем только некоторые примеры: «...*Российский народ* почувствовал себя неотъемлемой частью огромного мира...»¹. – «...Мы единый *российский народ* <...>!»². – «...*Российская демократия* – это власть именно *российского народа* с его собственными традициями народного самоуправления...»³. – «...*Российский народ* продемонстрировал удивительную собранность...»⁴. – «Хочу вам предложить тост за Россию, за *российский народ*»⁵ (ср. ранее известное: «Я поднимая тост за здоровье *русского народа* не только потому, что он – руководящий народ...»⁶). – «Я <...> воочию убедился в мощи *российского народа* и в мудрости *российского народа*»⁷ и мн. др. Ср. также: «*российская нация*»⁸ и проч.

¹ Путин В.В. Выступление на церемонии вручения диплома доктора экономических наук Афинского университета 7 декабря 2001 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/26920>

² Путин В.В. Речь кандидата в президенты РФ [Цит. по: Бабенко, Конторских, 2013].

³ Там же.

⁴ Путин В.В. Выступление на концерте, посвященном воссоединению Крыма и Севастополя с Россией 18 марта 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47878>

⁵ Путин В.В. Выступление на торжественном приеме в Кремле 28 декабря 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53608>

⁶ Сталин И.В. Выступление на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. (Цит. по: Душенко К.В. Словарь современных цитат. М., 2006. С. 451).

⁷ Путин В.В. Выступление на XV заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 18 октября 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848>

⁸ Медведев Д.А. Выступление на заседании президиума Госсовета 2011 г. URL: [Memoid.ru](http://www.memoid.ru); Сурков В. Долгое государство Путина. 2 февраля 2011 г. URL: <http://www.ng.ru/ideas>

Несомненным импульсом к многолетнему доминированию этатонима *россиянин* в публичной речевой коммуникации, начиная с ее официальной сферы, стало его активное употребление первым президентом страны, предпринятое по настоятельной рекомендации Е. Боннер [Васильев, 2013, с. 404–415].

Эта тенденция к всеобщему безнациональному нивелированию отразилась и в паралитературе (например, оксюморон «*этнические россияне*»)⁹, и даже в спортивных комментариях (ср. частые упоминания о *россиянах* и «российских хоккеистах» – игроках североамериканских клубов).

По всей вероятности, тому же вектору подчинены и постулаты «*российской идентичности*»¹⁰, на основе которых вербально и совершенно произвольно конструируются узколокальные модификации псевдонациональностей и квазиидентичностей. Например: «Теперь *сибиряк* гордо воспринимается как *национальность!*»¹¹. – «Создав в одном городе межнациональное креативное пространство <...>, выиграем все мы – люди одной *национальности* – *красноярцы*»¹². – «...За время стройки на БАМе возникла новая *советская национальность* – “*бамовцы*”»¹³ и т.п.

Вполне логично, что неоднократные упоминания некоей *российской идентичности* на самом верху вертикали власти индуцировали по-своему замечательные локальные варианты этой образцовой модели, ср.: «...Развивать то, что мы называем *региональной идентичностью*»¹⁴. – «...Нам дали возможность взглянуть на нашу сибирскость, нашу *сибирскую идентичность*»¹⁵ и др.

При этом небезынтересно наблюдать, что подобные мифогены довольно часто обнаруживаются в публикациях квалифицированных специалистов. Так, ср.: «...моменты, которые связаны

с особенностями современного *российского менталитета* и в которых отражается *национальная специфика российского метаязыкового сознания*... Кампания <...> была построена с учетом *российской ментальности*» [Голев, 2008, с. 8]. – И: «*национальный характер россиянина*» [Бабенко, Конторских, 2013, с. 12] (возможно, в последнем случае сыграло должную роль высокое имя вуза, места работы авторов; впрочем, известны и более ранние свидетельства оперативного включения агитпроповских лозунгов «текущего момента» в лингвистическую терминологию – достаточно упомянуть горбачевско-перестроечный «человеческий фактор», изящно трансформированный в «человеческий фактор в языке»).

Следует напомнить, что в современных толковых словарях дается определение: «*россияне* – „жители, уроженцы России; граждане России”»¹⁶; то есть *россияне* – ни в коем случае не этноним, а этатоним. Понятно, что у массы людей, объединенных лишь территорией обитания, не может быть ни единого «национального характера», ни общей «национальной ментальности» и т.п. Об этом говорилось уже неоднократно (см. [Колесов, 1999, с. 82; Трубачёв, 2004, с. 70; 2005, с. 215–227; и др.]).

Кроме того, при изобретении новейших слов-мифогенов было бы излишним учитывать судьбу их недавних исторических предшественников, типологически подобных (в смысле «внеэтничности» и «наднациональности») и претендовавших на долговечность.

Так, было официально утверждено возникновение ранее небывалой общности людей – *советский народ* – «многонац. коллектив тружеников города и деревни, объединенный общностью социалист. строя, марксистско-ленинской идеологией, коммунистич. идеалами рабочего класса, принципами интернационализма»¹⁷. Но это «искусственное межнациональное

⁹ Донцова Д. Метро до Африки. 2010. С. 26.

¹⁰ Путин В.В. Выступление на заседании клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

¹¹ Новости. 7 канал. 21 ноября 2007 г.

¹² Ковальская А. Сибирская диаспора. Национальность – красноярцы // Городские новости. 2009. № 128. 28 августа. С. 7.

¹³ События. 5 канал. 13 июля 2014 г.

¹⁴ Усс А. // Новости. Енисей. 14 июня 2019 г.

¹⁵ Фролова А. // Новости. Енисей. 20 февраля 2020 г.

¹⁶ Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М., 2001. С. 680; Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М., 2007. С. 866.

¹⁷ Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1983. С. 1227.

понятие ушло вместе с обанкротившейся идеологией <...>. Его пытаются видоизменить в понятие „российский народ“, которого в природе не существует» [Фролов, 2005, с. 506].

Упомянутый политехнологический процесс несомненно производится, хотя о его зримых успехах пока что не оповещают даже с вершин власти, обычно неизменно оптимистичных. Ср.: «В Советском Союзе <...> даже придумали общность людей – *советский народ* <...>. Мы говорим про *российский народ*, но это пока не то. Мы не смогли найти эквивалента того, что было в Советском Союзе изобретено»¹⁸. – «Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную *российскую нацию* при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну»¹⁹ и т.п. Совершенно очевидно, что «создать полноценную нацию» даже высочайшим указом невозможно (как, скажем, волонтаристски переименовать милицию в полицию): формирование нации происходит объективно, при взаимодействии ряда обязательных факторов и в течение длительного времени. Вероятно, подразумевается некий акт в традициях вербальной магии изменения реальности, который и манифестирует искомый результат. Но ведь, согласно восточной мудрости, сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет...

Кстати, целесообразно вспомнить, как «создавался» *советский народ*. Оказывается, «*русские* <...> после Октябрьской революции в ходе социалистических преобразований <...> консолидировались в социалистическую нацию и вместе с другими нациями и народностями СССР образовали новую ист. общность – *советский народ*»²⁰. Любопытно, однако, что это же издание ничего не сообщает о подобной «консолидации в социалистическую нацию» грузин, казахов, молдаван, украинцев и прочих, с которыми, следовательно, такие метаморфозы не про-

изошли. По-видимому, и в сегодняшнем эксперименте роль главного объекта этноиспытатель отводится именно русским.

Между тем еще один мифоген, усиленно внедряемый в массовое сознание, – «многонациональная Россия», с научной точки зрения, как и все другие, ему подобные, не обладает адекватным семантическим наполнением, но служит лишь средством манипуляции настроениями «населения» ([Васильев, 2019, с. 138–170]). Требуемый пропагандистский эффект в таких случаях достигается в первую очередь интенсивным тиражированием словесного штампа.

Этот официально и официально утвержденный постулат авторитетнейший отечественный этимолог, очень хорошо разбирающийся и в вопросах этнографии, истории общества и его культуры, квалифицирует как «бесконечно муссируемый миф <...>. Ведь Россия и сейчас на 85 % населена русскими <...>. По научным воззрениям – если страна на 85 % населена каким-то этносом, она в принципе называется *однонациональной*» [Трубачёв, 2004, с. 206–207]. В духе времени обратимся к зарубежным арбитрам и корифеям в этой сфере – и оказывается, что, «согласно международной практике моноэтническим (национальным) считается государство, $\frac{2}{3}$ или более населения которого принадлежит одному этносу»; об этом «в своих выступлениях говорил президент неправительственной организации „Дом свободы“ <...> со штаб-квартирой в Вашингтоне Э. Каратницкий; т.е. Россия – моноэтническое государство»²¹.

Возможно допустить, что представление РФ в статусе «многонационального государства» является (кроме деликатного опасения задеть чьи-то чувства) еще и некоей инерцией исторически недавней, советской эпохи, когда оно было вполне реальным – применительно к совсем другой стране. Так, по результатам переписи населения СССР 1982 г., численность его составляла 268,8 млн человек, принадлежавших к более чем 100 нациям и народностям, из которых (по переписи 1979 г.) к русским относились

¹⁸ Путин В.В. Выступление на заседании Госсовета 27 декабря 2010 г. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=417067&cid=5>

¹⁹ Медведев Д.А. Выступление на заседании Госсовета 2011 г. URL: [Memoid.ru](http://memoid.ru)

²⁰ Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1983. С. 1144.

²¹ Антонов А. Вы, случаем, не «фараон»? // Советская Россия. 2010. 29 июня. С. 2.

137 397 тысяч человек²², т.е. приблизительно лишь около половины жителей страны. Поэтому формулировка, открывавшая статью 70 последней советской конституции: «Союз Советских Социалистических Республик – единое союзное многонациональное государство...» – была совершенно объективной и правомерной. Применение же такой характеристики к рудименту прежней державы отчетливо напоминает известную «осетрину второй свежести»²³.

Однако в то же время изредка упоминается о том, что «государствообразующим народом, безусловно, является русский народ»²⁴. Но такие вынужденные признания очевидного исторического факта являются единичными и спорадическими по сравнению с регулярными мантрами о «многонациональной России». Между прочим, заметим, что, может быть, не столь наукообразным, как этот официальный рефрен, но более точным следует считать определение, данное популярным ранее автором: «Россия – пестрая в национальном отношении страна»²⁵.

Не следует забывать и о том, что *русские* на протяжении последних по крайней мере тридцати лет повсеместно подвергались и подвергаются откровенной, безапелляционной и изощренной дискредитации, выражающейся в инвективах по любому поводу и без всякого повода (см., например [Васильев, 2013, с. 378–391] и др.). Совершенно естественно и логично отсюда вытекает возникновение коннотативного ореола вокруг самого этнонима, маркирующего его безусловно негативно.

«Говоря о необходимости сохранения и развития самосознания русского народа в настоящее время, мы стоим на позициях необходимости и дальше проводить государственную политику по укреплению межнациональ-

ных связей. <...>. Понимая, что вся многовековая история нашей страны пронизана совместными делами населявших ее народов, следует признать, что главным стержневым фактором является титульная нация – русский народ [Романников, Черноскутов, 2019, с. 361].

Выводы. Информационно-пропагандистские операции, производимые путем замены субстантивированного прилагательного *русский* на искусственно реанимированное существительное *россиянин*, с одной стороны, и вытеснение прилагательного *русский* прилагательным *российский* – с другой, имеют общий вектор. Это радикальная минимализация национально-го самосознания большинства коренных носителей русского языка, ранее уже успешно подвергнутых «советизации», которую затруднительно считать всеобщее добровольной.

Разумеется, что «российская ментальность», «российский народ», «российская нация», «российский язык» и тому подобные слова-гомуноккулы и несообразности не имеют никакого отношения к реальной действительности – ни в прошлом, ни в настоящем. Однако за счет их насаждения происходит кардинальная трансформация языковой картины мира, в которой должны исчезнуть представления о собственно национальной принадлежности (причем именно русских), заменяемые ориентацией лишь по признаку гражданства; ту же роль играет и нечто вроде гиперонимического нивелирования с помощью мифогена «россияне».

Такие вербально-магические эксперименты принципиально не новы (ср. *милиция* → *полиция*, *прописка* → *регистрация* и т.п.), но вышеописанный несомненно отличается масштабностью и долговременностью гипотетических результатов.

Следует учитывать, что эта игра в слова очевидно навязывается властвующей «элитой», которая по сумме ключевых критериев откровенно космополитична (приблизительно так же, как и российская высшая страта накануне февраля 1917 г.). В ее аксиологической системе личное своекорыстие явно более значимо, нежели приказной «общероссийский

²² Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1983. С. 1246.

²³ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1990. Т. 5. С. 200.

²⁴ Путин В.В. Выступление на XV заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 18 октября 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848>

²⁵ Ленин В.И. Рабочий класс и национальный вопрос // Ленин В.И. Сборник произведений. М., 1976. С. 122.

патриотизм»²⁶, а сама Россия – нечто вроде вахтового поселка, «фактории на 1/7 части суши»²⁷.

Известно, что в английском языке слово *Russian*, по существу, синкретично: оно выступает обозначением и «русского», и «российского», и – при желании и необходимости – полуфантомного «россиянина». Поэтому англосаксы традиционно индифферентны к «национальной пестроте» России. По всей вероятности, российские элитарии, стремящиеся полностью и безвозвратно влиться в ряды самых достойных, по их мнению, представителей человечества, рассчитывают занять ту же лингвоментальную нишу, и для них состояние безнациональности весьма комфортно, а потому очень притягательно.

Кроме того, существует известное количество лиц, которые, наряду с российским, являются обладателями гражданства других стран и / или потенциальными обитателями так называемой «исторической родины» (обычно в дальнем зарубежье). Конечно, дискуссии, касающиеся употребления этнонимов или этатонимов, для них сугубо безразличны, но во многих случаях именно такие временные *россияне* и выступают за отказ от понятия 'национальность' вообще – а в частности применительно в первую очередь к этнически *русским*. Такая позиция в послесоветский период неуклонно продвигается через средства массовой информации теми же «историческими уроженцами».

Однако надо иметь в виду нередкую детерминированность социальных феноменов вербальными импульсами. В данном случае к числу возможных результатов утраты этнонима государствообразующего народа относится призрачность перспектив целостной суверенной страны.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г., Конторских А.В. Репрезентация образа России в программной речи кан-

дидата в президенты (на материале предвыборной речи В.В. Путина) // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 12–16.

2. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
3. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019. 316 с.
4. Голев Н.Д. Особенности современного обычного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5–17.
5. Зиновьева Е.И. Этнонимы русин, русак и русский в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. // РУСИН. 2017. № 1 (47). С. 92–105. DOI: 10.17223/18572685/47/8
6. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999. 368 с.
7. Романников О.Д., Черноскутов В.Е. Проблемы сохранения национального самосознания русского народа // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 1, ч. 2. С. 356–365. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-356-365
8. Теленков А.В. О соотношении наименований русские и россияне: история, современность и перспективы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. Вып. 8. С. 326–340.
9. Трубачёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд. М., 2005. 352 с.
10. Трубачёв О.Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян. М., 2004. 224 с.
11. Фролов Н.К. Феномен русскости и истоки русофобии // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. Тюмень, 2005. Т. 1. С. 504–509.

²⁶ Путин В.В. Выступление на заседании Госсовета 27 декабря 2010 г. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=417067&cid=5>.

²⁷ Поляков Ю.М. Быть русским в России. М., 2019. С. 12, 17.

RUSSKIY OR ROSSIYSKIY? THE QUESTION OF IDENTIFICATION AND SELF-IDENTIFICATION

A.V. Vasiliev (Krasnoyarsk, Russia)

S.P. Vasilieva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. A number of reasons, both linguistic and other, explain the continuing relevance of ethnonomical issues. This is due to the functions of names and self-names of ethnic societies and their representatives. Therefore, ethnonyms play not only the most important pragmatic role in the identification and auto-identification of individuals and collectives, but can also be actively applied in social, cultural and political processes. It is quite natural that ethnonyms and similar lexico-phraseological units and the nature of their use attract the attention of almost equally both specialists and a wide audience.

The purpose of the article is to analyze the modern nature of the use of the ethnonym *Russian* (**russkiy**), the ethatonym *the Russian* (**rossiyanin**), the adjective *Russian* (**russkiy**) in the texts on political subjects and determine the most likely direction of their use.

The research materials are the texts of political speeches in the media, and the contextual and discursive *methods* used in their analysis have firmly established themselves as scientifically effective.

Research results. The words *Russian* (**russkiy**), *Russian* (**rossiyskiy**), *the Russian* (**rossiyanin**) which, judging by many examples, are in a condition of the competition with each other. Moreover, such relationships between these lexemes are not accidental, but over the past three

decades have been consistently designed in the discourse of the Russian media. It can already be said that the ethnonym *Russian* (**russkiy**) is in many cases negatively marked (due to the previously formed invective connotation of the adjective *Russian* (**russkiy**)) and replaced by the ethatonym *the Russian* (**rossiyanin**), and the adjective *Russian* (**rossiyskiy**) is introduced as allegedly semantically equivalent to the adjective *Russian* (**russkiy**).

As sources of actual material, texts of political statements are used, due to the high power status of their addressers, which are required to possess significant public resonance and, accordingly, likely influence on speech preferences of many addressees.

Conclusion. Information and propaganda operations carried out by replacing a substantivized adjective *Russian* (**russkiy**) with an artificially reanimated noun *the Russian* (**rossiyanin**), on the one hand, and replacing the adjective *Russian* (**russkiy**) by the adjective *Russian* (**rossiyskiy**), on the other, have a common vector. This is a radical minimization of national identity of most indigent speakers of the Russian language.

The author's contribution consists in describing the problem, collecting and analyzing the language material.

Keywords: *ethnonym, autoethnonym, ethatonym, mythogen, Russian (russkiy), Russian (rossiyskiy), the Russian (rossiyanin), Soviet people, multinational, one-national, political texts.*

References

1. Babenko L.G., Kontorskikh A.V. Representation of the image of Russia in the program speech of the presidential candidate (on the material of V.V. Putin's election speech) // *Politicheskaya lingvistika* (Political linguistics). 2013. No. 4 (46). P. 12–16.
2. Vasiliev A.D. Word games. Manipulative operations in media texts. SPb., 2013. 660 p.
3. Vasiliev A.D. Metamorphoses of words. Modern lexico-semantic processes. Krasnoyarsk, 2019. 316 p.
4. Golev N.D. Peculiarities of modern ordinary meta-language consciousness in the mirror of discussion of issues of language construction // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* (Journal of the Tomsk State University. Philology). 2008. No. 3 (4). P. 5–17.
5. Zinovieva E.I. Ethnonyms rusin, rusak and russkiy in the colloquial language of the Moscow of the 16th–17th centuries // *RUSIN*. 2017. No. 1 (47). P. 92–105.
6. Kolesov V.V. „Life comes from the word...”. SPb., 1999. 368 p.
7. Romannikov O.D., Chernskutov V.E. Problems of keeping the national self-identification of the Russian people // *Idei i idealy* (Ideas and ide-

- als). 2019. Vol. 11, No. 1, p. 2. P. 356–365. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-356-365
8. Telenkov A.V. About the ratio between the words russkie and rossiyane: history, modernity and prospects // Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk (Scientific Annual Journal of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences). 2008. Is. 8. P. 326–340.
 9. Trubachev O.N. In search of unity. The philologist's view of the problem of the origins of Rus'. 3rd edition. M., 2005. 352 p.
 10. Trubachev O.N. The Cherished word. The lexicographer's view of the problems of language unity of Slavs. M., 2004. 224 p.
 11. Frolov N.K. Phenomenon of Russkost' and origins of Rusophobia. In: Frolov N.K. Selected works on linguistics. Tyumen, 2005. Vol. 1. P. 504–509.